18+

Климентина
Панкратьева

Камфорные таблетки от быстрой смерти

Климентина Панкратьева

Камфорные таблетки от быстрой смерти

«Издательские решения»

Панкратьева К.

Камфорные таблетки от быстрой смерти / К. Панкратьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596043-6

Каждый из 8 рассказов сборника — самостоятельное произведение, но все они сшиты между собой общими героями, сюжетами и темами (одиночество, медицина, космос, судьба). Это истории о том, как человек бежит от одиночества в далекие пространства, а приходит за теплом к другому человеку. 8 цветков физалиса в руках странного мальчика, 8 таблеток от смерти — это 8 видов любви: к брату, к родителям, к женщине, к человечеству, к своему делу, к своему городу, к Планете, к жизни.

ISBN 978-5-00-596043-6

© Панкратьева К.
© Издательские решения

Содержание

Мой близкий 6
Огненная потеха 9
Час перед рассветом 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Камфорные таблетки от быстрой смерти
Климентина Панкратьева

© Климентина Панкратьева, 2023
ISBN 978-5-0059-6043-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой близкий

Я честно терпел. Стискивал зубы, пил чай с ромашкой и гладил кота. Медитировал. Бегал по стенам и потолку. Разбил чайник. Искал оправданий.

А новый сосед сверху все бил и бил сваи. Нет, я ничего не утверждаю. Возможно, просто заколачивал очень большие гвозди. Или прыгал с дивана в чугунных ботинках. Ну и ладно. Если он водолаз или прыгун в длину, ему необходимы постоянные тренировки. Или, скажем, приехал человек с севера, где все дома стоят на сваях. И вот теперь мается, бедняга, тоскует. И колотит самодельные сваи в городской квартире. Сосед почти не спал. Всего три часа в сутки слышался его храп, а после снова удары сотрясали стены, подскакивала на столе уцелевшая крышка чайника.

На третий день по стенам весело заструилась вода. Пришлось доставать сапоги с голенищами до пояса. Правда они не помогли, потому что кот Сенька – пять килограммов растревоженных нервов – спрятался в один так, что и кончика хвоста не было видно, и наотрез отказался вылезать. Я шлепал по лужам в носках, корветом бороздил квартиру, и рубашка парусила за спиной от крепкого встречного сквозняка. Как шлюпки, я сбрасывал на воду тазы и тряпки, и все больше склонялся к версии о водолазе в чугунных ботинках.

Потом пропал свет. Проводка искрила и нехорошо просвечивала сквозь стены. Сенька не показывался. Жив ли он там вообще? Удары не стихали. И я позвонил в полицию. Позвонил бы и раньше, но сосед спал, не хотелось его будить. Да и не дело это, когда полиция приходит на рассвете, не нужно.

– Вас не убивают? – заботливо спросила диспетчер.

Я успокоил, что все в порядке. Почти.

– Хорошо. А то я хотела отпроситься сегодня пораньше.

Голос звучал устало.

Через час зашел участковый. Не прибыл, не явился, а именно зашел, как заходят в гости к старому другу, без звонка и неловкости. Он участливо слушал меня, сокрушался. От ударов сверху вздрагивал.

– Очень я не люблю всего этого, – пожаловался он, – агрессию, негатив. А котика вашего можно погладить?

Вопрос удивил меня, но мало ли. Вдруг им пришло распоряжение сверху гладить всех подозрительных котиков на предмет ношения оружия?

– Погладьте, – говорю, – Сенька, ты живой там? Вылезай с поднятыми лапами!

– Ничего-ничего, я так.

Участковый ласково погладил сапог и отбыл разбираться с соседом, а я остался ждать у открытой двери. Удары прекратились, хотя плечи по привычке вздрагивали. Приглушенные голоса наверху обменялись парой фраз, и участковый лихо промчался мимо вниз по перилам. Я благодарно помахал вслед тряпкой.

Восхитительная тишина установилась в квартире. Она так мягко окутывала меня, так кружила больную голову, что я бессильно прислонился к стене и задремал. А разбудил меня…

– Галеев. У вас дверь не заперта.

Горбоносый и чернокудрый юноша опасливо протягивал руку:

– Помочь вам подняться?

– Лучше садитесь рядом, – простонал я.

Худой и неловкий, он совсем не походил на спортсмена, плетеные сандалии на ногах не имели ничего общего с чугунными ботинками, а прочный загар явно выдавал в нем южанина, значит, тоска по сваям тоже отменялась.

Галеев извинялся. Сбивчиво, стыдливо, но очень-очень искренне, шмыгая шикарным носом и вскидывая руки к сердцу, которое оказалось беззаветно предано науке. Физике и астрономии, если быть точным.

Он показал две гири для весов, большую и маленькую, но обе тяжеленные!

– Я бросал их вместе и порознь с разной высоты и замерял время.

Подброшенные им гирьки грянулись о паркет. Полетели щепки.

– Видели-видели? Они достигают пола одновременно, с постоянным ускорением!

– Поразительно, – заверил я, – А ну еще!

Он радостно подбросил гири еще несколько раз. По батарее застучали.

– С этим понятно. А вода-то откуда? Вы их в воду что ли бросали?

Галеев поскучнел и принялся гладить и почесывать молчаливый сапог.

– Это не я, – признался он, – сосед надо мной берет работу на дом. Определяет объем предметов, погружая их в воду. Примитивно, но действенно. А тут попался большой заказ, пришлось строить бассейн.

Еще раз извинившись, Галеев заторопился уходить. По секрету он признался, что стащил у домоправительницы ключ от чердака и теперь отправится на крышу наблюдать движение небесных светил. Мечта его жизни – открыть планету. Он уж и название приготовил – Алкеста.

– А почему Алкеста?

– Так звали мою сестру. Мы родились в один день и час, судьба отмерила ей всего десять минут жизни. Но ведь зачем-то они были нужны? Я назову планету в ее честь и буду верить, что за тьмой и пространством ждет меня родная душа.

Да, выражался он малость вычурно, но в целом был мне даже симпатичен. А что на этот счет думал безвестно канувший в сапог Сеня, осталось тайной.

Прощенный и сияющий, сосед так легко побежал вверх по лестнице, словно на сандалиях выросли крылышки. Но я вдруг вспомнил:

– Погодите, а что со светом? Почему он отключался?

– Это Коля из 56 квартиры, – Галеев опасно перегнулся через перила. – Он изучает электричество. Хочет из своего кабинета зажечь маяк на расстоянии, представляете?

А вот это вряд ли. Заброшенный маяк не подавал признаков жизни уже лет сто. Хотя маячный островок совсем недалеко от берега, добираться туда через подводные скалы крайне опасно, а для постоянного смотрителя и вовсе нет места. Все давно осыпалось ржавым прахом. Ничего у Коли не выйдет. А жаль.

Галеев не обманул, тишина настала умопомрачительная. Я спал изо всех сил, и свернувшись клубком, и развалившись не хуже Сеньки, спал, и снилось, что струйки воды с потолка набирают силу, соединяются в небольшие водопады, мебель неспешно плывет по комнатам, а за окном шумит океан, над ним восходит масляно-желтая луна, и там, где раньше стоял супермаркет, по волнам шлепает хвост горбатого кита. Я кинулся спасать Сеньку с его сапогом и проснулся.

Почти стемнело. Стены подсохли, соседи притихли в своих норках, и уличного шума не было слышно за открытым окном. Я снова позвонил в полицию. А потом настрогал бутербродов, взял термос с ромашковым чаем и сапог и вышел из квартиры.

Мой добрый друг Галеев уже был на месте, возился с телескопом, как с любимой кошкой (ах, Сеня-Сеня!). Чуть позже явился и участковый, молодцеватый и страшно довольный. Козырнул нам, потрепал сапог и ложный вызов оформлять не стал. Вместо этого он свесил ноги с крыши и уставился в морскую даль за городом. Алое солнце почти скрылось, но на его фоне еще виднелся сторожевик, курсирующий вдоль берега. Я понимал, конечно, что это современный боевой корабль. Но очень ясно видел внутренним взором, как раскрасневшиеся гребцы на его бортах синхронно взмахивают веслами и поют о дальней дороге, хитрых богах и морских

чудовищах. Седобородый штурман в хитоне лежит на сложенном парусе и сличает небесные рисунки с картой созвездий. А найдя несоответствие, грозит провинившимся небесам.

– Как хорошо, что вас не убили!

Я обернулся. Мне улыбалась круглолицая девушка в полицейской форме. Она сжимала в руках чашку чая размером с небольшое ведро.

– Разделяю вашу радость по этому поводу.

– А меня, видите, пораньше отпустили. Котик у вас замечательный.

Она коснулась туфелькой Сенькиного убежища и упорхнула в другой конец крыши. Только сейчас я заметил, как много вокруг людей. На нашей крыше и на соседних. Продавцы окрестных магазинов, почтальоны, нянечки детского сада, лохматый дворник, собиравший во дворе космический корабль из старых труб. И вот что удивительно: все угощались моими бутербродами и чаем, крыша пропахла ромашками и колбасой. Как на всех хватало, ума не приложу!

Около получаса при свете городских огней мы разговаривали и по очереди смотрели в телескоп под ревнивым присмотром Галеева, который очень боялся, что кто-то раньше него заметит новую планету.

И вдруг резко потемнело. Электричество исчезло разом во всем городе.

– Смотрите-смотрите, начинается! – загомонила тьма десятком голосов. Только Галеев бурчал у телескопа:

– Отлично, без светового загрязнения я точно найду мою Алкесту.

Все мы, собравшиеся на крыше, придвинулись к самому краю, удерживая друг друга от падения и вглядываясь во мрак. Ветер стих, кровля тихонько вибрировала под ногами, в ушах звенело от напряжения.

И наконец, там, за городскими кварталами и набережной на каменистом островке за серым от вековой пыли стеклом вспыхнула яркая звездочка, осыпала подножье маяка искрами и загорелась уверенно и спокойно.

– Ура, получилось! – кричали мы. И я кричал тоже. Потому что страшно рад был, что гребцы и штурман не разобьются теперь о камни на своем легком кораблике и доплывут домой. Да, поначалу я сомневался, что все получится, но в конце концов, что тут удивительного? Всё ведь так близко. Маяк и кабинет Коли, зажженная им искорка и небесное тело, которое вот-вот откроет Галеев, я и седой мореход.

Один за другим зажигались фонари и окна, люди праздновали не свою, но важную им победу. Я почувствовал на ноге тяжесть и посмотрел вниз. На ботинке сидел невозмутимый Сенька и лопал украденную с бутерброда колбасу. Они тоже всегда были очень близки: Сенька и колбаса.

Огненная потеха

Вернувшись с обеденного перерыва, я сразу понял, что дело труба. Коллеги уже собрались и смотрели на меня выжидательно. Интеллигентный Пал Палыч щипал бороденку и перхал тощим горлом. «Сегодня ты, а завтра я», – слышалось в его кашле.

Из угла высовывалась крысиная мордочка Лидии, женщины пожилой, но так отчаянно молодящейся, что рыжие кудряшки вставали дыбом. Будучи существом бесполезным, она имела дачу по соседству с начальницей, охотно делилась рассадой, а однажды вырезала из шины ах, какого лебедя. Фотографии жуткой птицы были насильственно показаны всему департаменту. Дважды.

Наперерез мне двинулась неумолимая, как цунами, Марина. Марына, как сама она представлялась. Покачивая вразнобой черной гривой и необъятным крупом и слегка буксуя на поворотах, Марыночка нависла над угнетенным мной и сообщила:

– Сероженька, Галина Петровна прыглашает, зайдите.

Все, конечно, знали, что такое «приглашает». Когда «приглашает», а не «вызывает», очередной бедолага вываливается из кабинета с красными ушами и разбитым сердцем.

Нежно и мелодично прозвенела моя карьера, скатываясь по мраморным ступеням. А я пошел в кабинет. Сел на низенький диванчик, повинуясь начальственному кивку. Галина возвышалась надо мной, словно секретарь Страшного суда. Она долго сокрушенно качала головой, но от рожденья туповатый я так и не смог осознать вину и должным образом раскаяться.

– Ну вот, – наконец сообщила она. Я сделал вежливое лицо. – Шеф недоволен. Этот акт составлять было не нужно. Тендер должен выиграть Котов.

– Так вы ж мне велели!

– Знаю-знаю. Но я начальник, я не могу быть виноватой. Значит, виноватым будешь ты.

– И что теперь делать?

– Ну что тут сделаешь. Можешь подписать вот это, – она протянула бумаги, – и скрыться с глаз моих на неделю без содержания. Или уволим по статье. Что тебе лучше?

Она расцвела улыбкой, будто только что отменила крепостное право. Хотя большего рабовладельца еще поискать. Я всматривался в документы, подмечая, что все подписи, кроме моей, уже собраны.

– Котову отдать такой заказ? – ахнул я, но говорить старался тихо – знал, что Марына прядает ушами за дверью. – Да он же все испортит! Засыплет город щебенкой и скажет, что это соответствует проекту! Он реставратор как я балерина!

Галина одобрительно разглядывала меня. Примерялась, с какого бока лучше откусить.

– Не надо спорить со мной. Я по гороскопу лев. Поэтому не надо. Девочки в кадрах уже в курсе. А ты по гороскопу кто?

– Дракон.

– Ну вот, ну вот.

Я представил, как в кабинете появляются кудрявые мужички, чтобы отнести (нет, отнесть!) меня домой на боевом щите. Как они торжественно транспортируют мою помятую тушку по холлам и коридорам, и клерки салютуют отчетами. Молчать я, понятно, не буду. Затяну удалую казачью песню. Ребята вынесут меня на улицу и сгрузят у крыльца. Потому что сверхурочные, а они не нанимались.

В общем, я все подписал. Галина сыто порыкивала над бумагами, а я сбежал на свободу без содержания.

Поболтавшись немного в потоках питерского дождя, я адсорбировался в пабе, где и просидел до сумерек. Столик уже слегка поворачивался вокруг оси, как на сеансе спиритизма.

Не худо бы вызвать прадедушку-полковника и спросить, как жить дальше. Предки всегда все это знают лучше нас.

В паб тем временем зашли одинаковые рабочие в серых комбинезонах и касках. Двое деловито сняли дверь с петель и унесли. Один, легко перекрикивая музыку, сообщил, что просит всех покинуть помещение, согласно постановлению… номер… пункту… Я не стал ждать. Забирают имущество за долги, что тут интересного?

Снаружи меня окатило запахом моря и арбузов. В воздухе висела мелкая морось, огни фонарей, окон, машин, рекламы отражались в каждой капельке, лужах и стеклах, рассыпались и дрожали. Город стоял у подножья гигантской кузницы, и невидимый за тучами мастер все бил и бил по наковальне, осыпая улицы искрами. Никогда Петербург не был для меня тусклым и серым. Никогда. Теперь Котов изуродует его. Разрушит и опошлит все, до чего дотянется грязными лапами.

С такими печалями я шагал по набережной и увидел его издалека. Сначала как размытое пятно, прилипшее к ограждению со стороны реки. Потом пятно оформилось в долговязую фигуру и шмякнулось мне под ноги.

Оказалось, подросток лет шестнадцати. Круглое лицо облепили черные волосы, белая рубашка с закатанными рукавами стала как вторая кожа, с потемневших джинсов бежала вода. Я не смог пройти мимо.

– Ты с ума сошел? Куда полез? Жить надоело? Не утонешь, так пневмонию схватишь! Бегом домой греться.

Но парень не думал подниматься, а лишь продолжал таращиться на меня. В шоке, наверное.

– Где ты живешь, далеко?

Я присел рядом и слегка встряхнул его. Он пожал плечами.

– А зовут тебя как?

– Не знаю.

Документов он при себе не имел, родных, друзей или соседей не помнил, где живет и чем занимается, не представлял. Помнил, как кинулся в воду за лодкой с людьми. Итого: тут у нас дезориентированный малолетний обормот с амнезией. И он видит во мне божество, которое решит все проблемы. Чудненько. Лучше этот день и не мог закончиться.

– Поднимайся, пойдем, – велел я, хотя понятия не имел, куда его девать, чтобы сдать с рук на руки и с чистой совестью отправиться спать. В полицию? Врачам? Или сначала высушить это чучело, пока, и правда, не схватил пневмонию?

Мы перешли дорогу (обормот шарахался от машин, пришлось тянуть за руку), свернули на проспект и оказались в праздничной толпе. Громыхала музыка, люди горланили, большие компании собирались вокруг музыкантов, летали разноцветные мыльные пузыри.

Точно. Только я мог забыть о трехсотлетии любимого города. Волшебная ночь, когда с треском ломаются подтаявшие столетия. Отличный подарок я преподнес ему в виде Котова.

Мы прорывались сквозь толпу, я, сам не зная, куда, уверенно тащил найденыша за собой. И тут снова увидел их – рабочих в комбинезонах и касках. Один пилил дерево, второй деловито отрывал от земли витую скамейку. Другие волокли в грузовик чугунную ограду. Интересно, их и ночью заставляют работать?

Найденыш послушно шагал следом, трясся и восторженно оглядывался. Но стоило нам свернуть в боковую улочку, он задергал меня за рукав, впервые произнеся связную фразу:

– Пожалуйста, давай зайдем сюда? Давай зайдем, дядька? Ревель! Там так красиво, так хорошо, зайдем!

– Какой я тебе дядька? – фыркнул я. Но согласился, что идея неплоха. Кафе «Старый Ревель» манило уютными огоньками и запахом кофе.

Внутри стояли всего три мощных деревянных стола, мы оказались единственными гостями. Стены были завешаны рыбацкими сетями, на столах громоздились корабельные фонари. Дощатый пол скрипел, как палуба. Для вызова официанта над барной стойкой висела рында, что привело обормота в полный восторг.

На зов явился бородатый боцман в морской форме и берете с помпоном. Он живо усадил нас у печки и организовал охотничьи колбаски, горячий сбитень и пирог с клюквой, а сам ушел на кухню, где сейчас же запел про «свистать всех наверх» и «море слабого не любит». Найденыш впал в совершенную эйфорию, от его высыхающей одежды валил пар, лицо теряло зеленоватую бледность и наливалось краской. Он уплетал ужин, повторяя на разные лады: «Ревель, Старый Ревель, я в Ревеле». Признаться, я тоже повеселел. Так здорово было сидеть в маленьком кубрике, греться у живого огня и смотреть, как оттаивает спасенный (уже казалось, что мной спасенный) найденыш.

– Дядька, а ты почему не ешь? – спросил он.

– Вот опять. Ну какой я тебе дядька? Сергей меня зовут, понял?

– Серж, – он понимающе кивнул, – у меня был однажды друг по имени Серж.

– О, и кем же он был?

– Адмиралом.

– Ничего себе у тебя друзья. И где он сейчас?

Я притих, боясь спугнуть проблеск памяти.

– Не знаю. Надеюсь, что где-то он все еще есть. Я Михайлов.

Я даже не сразу понял, о чем он.

– Что Михайлов?

– Это я. Меня так звали. Зовут.

Ответить я не успел: раздался страшный треск. Стеклянная стена кафе зарябила черными трещинами и осыпалась. Мы выскочили наружу. Боцман за нашими спинами остался невозмутимо убирать тарелки.

На улице было безлюдно. Нас встретила гулкая тишина, исполненная нервной дрожью. Надвигалось что-то неумолимое и равнодушное.

Белесое пятно показалось в начале улицы, стало расти, приближаясь. Земля вибрировала. Мы машинально отступили назад. Целая армия серых рабочих двигалась на нас. Они всё прибывали, печатая шаг, появляясь из переулков и тупиков, выходя из домов и магазинов. Они шагали по крышам и спускались по водостокам, заполняли балконы и козырьки. Нас захлестнуло и понесло людским течением, я заметил, как обормот вскинул руки к лицу, и его утащила серая волна. Сам я уцепился за фонарь, потому остался на месте.

Когда поток комбинезонов схлынул, часть рабочих задержалась на этой улице. Они принялись деловито и молча разбирать город: выкручивать лампочки из фонарей, сматывать обесточенные провода, снимать вывески и номера домов, разбирать ограды и с грохотом забрасывать в грузовик.

Какое-то хозяйственное безумие творилось вокруг. Но меня волновало другое. По центру мегаполиса блуждал потерянный подросток, который боялся машин и не помнил себя. Я торопливо шагал по проспекту, выискивая его в толпе. Между людьми сновали все те же серые рабочие. Трудились они на редкость споро, и я шел по резко изменившемуся Невскому – без рекламных щитов и дорожных знаков, без столиков уличных кафе. На перекрестке трое серых разбирали светофор. Машины сигналили, не переставая, играла музыка, гуляющий народ использовал всевозможные дуделки и трещотки, шум стоял просто невообразимый.

Но стоило пройти под аркой и ступить на Дворцовую площадь, звуки стихли. Словно тяжелая дверь за спиной отгородила меня от мира. Света луны над тихой и сумрачной площадью хватило, чтобы разглядеть две замершие друг напротив друга фигуры. Одна, долговязая

и нескладная, была мне уже хорошо знакома. Я подошел. Шаги отозвались гулким эхом. Вторым оказался коренастый плотный человечек с круглым лицом, похожим на кошачью морду.

– Я еще раз сообщаю, – чеканил он, – у каждого города есть определенный срок службы, все прописано в технических характеристиках. Ваш был рассчитан на 300 лет. По плану Петербург, инвентарный номер 1703-с18, будет демонтирован и передан на временное хранение в запаснике. Когда подойдет очередь и появятся средства, выставим на новом месте.

Он угрожающе надвигался на Михайлова, но тот не двигался. Стоял, сжав кулачищи, скрежетал зубами.

– Я здесь хозяин. Отойди.

Кто бы мог подумать, что этот перепуганный парнишка способен приказывать так властно. Не только его противник, но и сам я машинально сделал пару шагов назад.

– Юридически нет, – человек-кот быстро вернул себе уверенность. – Создатель, хранитель – да, пожалуйста, но не собственник, нет.

На его громкий свист строем пришли серые, начали выкорчевывать камни из брусчатки и складывать их в ящики. Я потянул обормота за рукав. От человека-кота веяло угрозой, и почему-то я был уверен в его победе.

– А я? – вскрикнул найденыш, сбрасывая мою руку. – А я куда же?

Кот одним грациозным прыжком перелетел на подоконник музейного окна на втором этаже. Заливаясь счастливым смехом, он принялся дирижировать рабочими.

А те вывели сотрудников из Генерального штаба. Люди шли молча, не сопротивляясь. На них накинули грубые полотнища, перевязали бечевкой. Свертки нагрузили на детские саночки и повезли вон с площади. Изморозь ползла по рукам от скрежета полозьев. Я проследил путь санок, пока они не скрылись из виду, обернулся и ахнул. Генерального штаба больше не было. Едва-едва угадывался призрачный контур стен, за которым маячила и глухо шумела толпа, а само здание было сложено, как конструктор, и рабочие укладывали его части в коробки. Каждую заклеивали скотчем, надписывали инвентарный номер и увозили на санках.

Человек-кот, снова совершив чемпионский прыжок, водрузил на опустевшее место табличку «экспонат на реставрации».

Мой подопечный тем временем бросился на рабочих. Он молотил их кулаками, пинал, швырялся камнями из ящиков. Вот только руки и ноги соскальзывали с комбинезонов. Камни со стуком отскакивали от тел, а когда перед ними материализовался кот, и вовсе бессильно попадали на землю.

– Вы препятствуете нашей законной деятельности. Постановление, лицензия, договор – у меня на руках все бумаги.

Я решительно вышел вперед. На языке бюрократии мне тоже есть что сказать. Недаром в департаменте спину гну.

– Предъявите, – потребовал я, – на слово вам никто не поверит.

Кот вытащил из воздуха красную с золотым тиснением папку. Я погрузился в изучение бумаг, которые… уже видел сегодня утром. Я перечитал каждую букву, обвел взглядом каждый чертеж, но подписи, печати, протоколы – все было на своих местах, никаких сомнений в подлинности и законности. Найденыш таращил на меня совиные глаза.

– Вы Котов?

– Ну конечно, ну конечно, – кот пританцовывал на месте, – Изучайте, комар носа не подточит. А потом, уважаемый Серж, ваша подпись была решающей, а ведь вы человек чести. Не стали бы подписывать незаконный документ.

Я не знал, что стыд может быть физически ощутим, как голод или боль. Какими глазами теперь смотреть на Михайлова? Чем искупить свою вину? Ведь целый город…

– А долго, – я тянул время, – долго продлится реставрация?

– Здесь же все указано, – кот ткнул пальцем, – В течение 200 лет работы будут выполнены. Потом соберется комиссия, определит новое место. Опять на Земле, скорее всего. И все выставим в лучшем виде.

Михайлов побрел прочь. В лунном свете его горестная фигура истончалась и блекла.

Ярость резанула меня! Я горстью швырнул бумаги в кошачью морду! Я готов был к схватке, к удару, даже хотел его. Я бы сам охотно врезал себе! Но Котов сокрушенно качал головой.

– Уж вам ли не знать, дорогуша: уничтожать копии бессмысленно. Сила документа в его оригинале. И, скажу по секрету, эта сила пострашней любой магии.

Я схватил ближайшего комбинезона за лямку:

– Тебе что, вообще не жалко город?

Глаза рабочего были пусты, словно там, в кабине его головы, горел свет, но никого не было.

– Мне все равно, – ответил он и ударил кувалдой.

По мостовой ударил, а показалось, что по моим ногам.

Мы проиграли. Я уходил не оглядываясь, потому что не хотел видеть, как статуи кутают в мешковину, а колонны пилят, как какую-нибудь колбасу. Я вообще не хотел ничего видеть.

Михайлов нашелся у реки. Грозного величия как не бывало, передо мной снова стоял хрупкий подросток. Он разглядывал корабли, зашедшие в Неву для участия в праздничном параде. Я готовился оправдываться, отвечать на вопрос «Что ты наделал?», но этот обормот, улыбался! Нет, он восторженно сиял!

– Как они сделаны?

– Кто?

– Корабли! Теперь все так делают? Какое водоизмещение? Из чего оснастка? Какие ядра бросают? А шпангоут почему не украшен? Сколько один такой стоит?

– Я не знаю. Не понимаю в них ничего. Корабли. Военные. Ядра давно не используют. Стоят дорого очень.

И тут он опять полез через ограду, ну что за беда!

– Сплаваю посмотрю поближе!

– Куда? Вода ледяная! Утонешь! Ты на него не взберешься. Тебя пристрелят вообще!

Только последнее его и остановило.

– Да, пробормотал он, выключаясь, – должен быть часовой по уставу. Он не разрешит на борт.

– А то, что он будет стрелять, тебя не волнует?

– Не.

Он вытянул тощие руки, закатанные рукава повисли мешками. Был ли виноват свет луны, но мне показалось, что его тело просвечивает насквозь, позади проступали очертания корабля, а на черных кудрях появилась дорожка седины.

Невдалеке остановилась цистерна, рабочие раскрутили толстую гибкую трубу, ее конец опустили в Неву. Труба зачавкала, и уровень реки заметно понизился.

– Они разломают мой город, а я исчезну. Перестану существовать. Ты не знаешь, скоро начнется огненная потеха? Хочу еще раз увидеть.

– Он же не будет разрушать город, может, отреставрируют, станет лучше прежнего.

Самому было противно слушать свое козлиное мемеканье. Но что я мог сказать? Что я полнейший кретин и трус и черкнул подпись, лишь бы не уволили? Испугавшись сердитой начальницы? Мне не нужно было сидеть в окопе, идти под пули, лезть на крепостные стены и махать саблей. Меня не просили строить корабли голодным и с кровавыми мозолями. Единственное, что я должен был, – не подписывать бумаги, которые навредят городу. Отдадут на растерзание самому паршивому реставратору в мире. И я даже этого не осилил.

Михайлов, кажется, все понял, потому что сказал примирительно:

– Ты не виноват. Не ты, другой подписал бы.

Но подписал-то ведь я! Какое мне дело до «другого»? Отмотать время на полсуток назад, я взял бы эти проклятые оригиналы и… Оригиналы!

– Стой здесь! – велел я. – Обещаю, город будет в порядке. Мы еще такие корабли забабахаем, что никому не снились! Никуда не уходи, не вздумай лезть в воду!

Впрочем, воды-то уже не осталось, корабли опустились на высохшее дно, а цистерна, плюхая раздувшимися боками, покатила вдоль набережной.

Я бежал, как никогда в жизни не бегал. Мимо пыльного пятна на земле, как от старой мебели. Раньше здесь стоял Исаакий, теперь части его купола толкали в чехол из мешковины.

Мимо разобранных машин и светофоров. Опустевших постаментов. Мимо очереди горожан, что терпеливо ждали, когда их упакуют и отправят на длительное хранение. Мимо провалов в земле, где раньше были станции метро, а теперь стояли таблички «экспонат на реставрации». Находилось немало тех, кто ничего не замечал и веселился. Они преграждали путь, и я продирался сквозь людей. Серые елозили на коленях, смывая мыльными щетками дорожную разметку. Уже половины зданий на Невском не хватало, уже канал Грибоедова был осушен, и в Фонтанке воды убавилось на треть, и цистерны жадно булькали на ее берегах.

Наконец, я свернул в переулок, к которому стремился. Родной департамент, к счастью, никуда не исчез. Остановился перевести дух. И вдруг из переулка на меня вылетела, грохоча копытами, вороная лошадь. Поначалу я даже не понял, чьи зубы несутся на меня с такой скоростью, успел зажмуриться и позвать про себя: «Помогите! Хоть кто-нибудь!».

Удара не случилось, я услышал громкое ржанье и открыл глаза. Четверо крепких ребят, тех самых, что в моей фантазии несли меня на щите, удерживали жуткую животину. Едва не оставляли пятками борозды в асфальте. Я попятился, но лошадь притихла, глянула на своих захватчиков слева, справа и послушно потрусила, кокетливо помахивая то хвостом, то гривой. Кобылицу провели мимо меня, вжавшегося в стену.

– Спасибо! – крикнул я спасителям и взлетел по ступеням.

Дорогу мне преградил… козел. Он вроде бы и наклонял голову, демонстрируя готовность к бою, но как-то неуверенно. Косил глазом из-под нахмуренной брови, топтался. Тихонько перхал горлом. Знакомо так. Ну, с этим-то я знал, что делать!

– Пал Палыч! – начал я вкрадчиво. – Ну как же так, Пал Палыч? Ведь вы – интеллигентнейший человек! – я помахал для убедительности щепотью перед его носом. – Неужели дворянская кровь остыла? Во что превратили вас взяточники и хапуги? Средняя зарплата дороже совести?

Это было совсем просто. Козел пустил слезу и прикинулся мертвым. Он и раньше так делал в сложных ситуациях. А что? Вполне рабочий метод.

В вестибюле горел свет, охранник куда-то запропастился, а на его столе восседала огромная кудрявая крыса. В зубах она держала ключ. Крыса убедилась, что я вижу ее, глумливо сделала бровями вверх-вниз и перекусила ключ пополам. Добротный металлический ключ. Получилось наглядно.

Неловко признаваться, но я привык к своим конечностям и совсем не хотел, чтобы крысильда уполовинила мне руку. Поэтому торопливо закивал и отступил к двери. Но там, за дверью, меня ждал погибающий город. Что если я опоздал, и от него осталось лишь пыльное пятно на Земле?

Я подхватил с пола огнетушитель и направил струю пены на Лидию (трудно не узнать коллегу). Крысу снесло в угол, но справиться с ней было не так просто. Цокая металлическими когтями, разъяренная тварь двинулась на меня, демонстрируя жуткие зубы. Я спрятался за старинным зеркалом, выглянул, следя за приближением врага. И не сдержался, хихикнул. Ну,

правда, она выглядела угрожающе, но так нелепо! Шерсть слиплась, косметика размазалась по морде, половина кудряшек развинтилась, а другие стояли дыбом.

– Ну и чучело! – крикнул я. Вообще-то папа меня воспитывал иначе и не одобрил бы такое поведение. Но ситуация случилась экстремальной.

Крыса перевела взгляд на зеркало и с воем кинулась в дамскую комнату.

Ждать, пока она наведет марафет, было недосуг, я ринулся на второй этаж в кабинет начальницы. Там на галинином столе развалилась львица. Она лениво помахивала хвостом.

– Ой, – не очень остроумно брякнул я.

– По какому вопросу? – мурлыкнула львица и картинно выпустила алые когти.

– Да я это… Я просто поработать хотел. Ага. Отчет закончить. А то не успел, вот и… Можно?

– Ну, поработайте, пор-р-работайте.

– Можно идти?

– Идите.

Я тихонечко затворил дверь. Пронесло, ура! Теперь придется и правда сесть за отчет. Сделать вид, что вкалываю изо всех сил. Это запросто, это я завсегда. «А как же обещание?», – шепнул кто-то грустный в голове.

Но ведь я пытался, честно пытался спасти город. И обормота. И жителей. Но обстоятельства сильнее меня. Уж я ли не старался? Но кто мог знать, что Галина так задерживается на работе? Против нее не попрешь. Она вон, львица. И по гороскопу и так. А я кто? А я…

Я сжал кулаки. Сконцентрировал в точке на лбу весь страх и отчаяние, и любовь, и все, что было во мне тогда. Переломил самую суть, данную мне от рождения. И возвел на руинах новую.

Я вышиб дверь одним ударом хвоста. Хвост хороший получился – сильный, с гребнем. Львица подпрыгнула и зашипела. Я не хотел начальнице вреда. Просто дыхнул пламенем в сейф, где хранились документы Котова, и не стал задерживать, когда Галина, жалобно мяфкнув, припустила к выходу. Ты, конечно, львица, да ведь я дракон!

Трижды пришлось дышать огнем, чтобы сейф превратился в оплавленный комок металла. Вы знали, что драконье пламя куда горячей обычного? Документы потеряли силу, перестав существовать. Такова уж бюрократическая магия.

С подоконника я стартовал в ночное небо. Воздух пах морем и арбузами. Мелкая морось приятно холодила шкуру. В пузе клокотал вулкан: то ли огонь, то ли ярость и восторг победы. На эту гнусную работу не вернусь. Создам свою большую компанию и буду заниматься настоящим делом!

Привыкнув немного к полету, я поднялся выше и сделал несколько кругов над городом. Над куполом Исаакия. Над Генеральным штабом и Дворцовой. У драконов, оказалось, отличное зрение. Я видел отражение своего могучего тела в Неве и угловатую фигурку, что махала мне у ограды набережной.

Я заулыбался во всю пасть: «Будет тебе огненная потеха, как заказывал!». Выдохнул полосу красного пламени, и следом грохнул праздничный салют. Огненные вспышки, завитки, всполохи отражались в каплях и витринах. Спасенный город гремел и сверкал – праздновал новое рождение.

Час перед рассветом

Алене исполнилось десять тем летом. Она заснула в тепле и уюте собственной кровати, в соседней комнате спали родители, занавески покачивались у открытой форточки, пахло малиновым вареньем. Алена хотела повернуться на другой бок и не смогла. Потому что уже стояла на пустой детской площадке посреди двора.

Стояла в дурацкой пижаме с пингвинами, всклокоченная, заспанная, переступала босыми ногами на прохладном песке. Темный двор спал, ни одно окно четырех многоэтажек, окружавших его, не светилось даже тусклым огоньком ночника. Не было на черном небе ни луны, ни звезд. Единственный фонарь лил ядовито-желтый свет на площадку. Не слышалось обычных по летнему времени голосов, не гуляли влюбленные пары. На работу еще рано было разъезжаться, и машины выстроились вдоль домов, перемигиваясь синими искрами.

Алена зажмурилась сильно-сильно, чтобы проснуться. Открыла глаза – качели, лесенки, желтый свет фонаря, тихий и темный двор. «Проснись-проснись-проснись», – уговаривала она себя, понимая, что сон явно плохой, зловещий, и тишина, конечно, обманчива. Вот-вот начнет происходить что-то очень страшное. Нужно немедленно проснуться!

Ударила ладонями по одной щеке, по другой. Не помогло, слишком слабо. Раз-два – сильнее. Нет, не сработало. Ощущения для сна удивительно четкие. Вокруг фонаря вилась пара мотыльков. Слышно было, как мягкие тела бьются о стекло. Кто-то тихонько стрекотал в кустах. Еле заметно ветерок касался горячих щек. Сладко пахли цветы в палисадниках. Далеко за домами протяжно загудел поезд. Это «московский», он проходит здесь каждую ночь, папа часто возвращался на нем из рейсов.

Получается, это не сон? И стоит она посреди двора растрепанная и в детской пижаме. А если кто-то увидит? Она рванулась к подъезду, через песок площадки, потом заплетая ноги в траве. Навстречу выскочила фигура с поднятыми руками, Алена шарахнулась в сторону. Дерево!

Ни жива ни мертва добежала до двери. Ключ от домофона остался в школьном рюкзаке. Быстро набрала номер квартиры. Казалось, кто-то стоял за спиной, оглянулась – никого. Только легкое прикосновение к волосам. «Это ветер, просто ветер! Всего лишь ветер!» Ткнула кнопку вызова. Это, конечно, папины шуточки. Вынес ее, спящую, на площадку и считает, что это страсть как смешно! Только смешно это было в далеком детстве на даче! И то не очень!

Домофон безнадежно пиликнул и сбросил вызов. Красные нули рванулись из черного экранчика. Не один, как обычно, а целая строчка ярко-красных кривых нулей. Набрала еще раз, еще – результат тот же. Врезала кулаком по глупой железяке. Нашла время ломаться! Удары не помогли тоже.

Уселась на корточки перед дверью – ждать. Когда родители поймут, что она не вернулась, заволнуются, выйдут посмотреть. Или кто-нибудь пойдет на работу или гулять с собакой. Конечно, увидят ее в глупой пижаме, придется краснеть, но хотя бы она сможет попасть домой.

Долго Аленка так просидела. Зевала, водила травинкой по пальцам ног. Старалась не смотреть по сторонам. Потому что там никого не было и быть не могло! Просто шелестели листья и качались высокие травы. И тень на скамейке была все лишь пустым пакетом. Чтобы ни о чем не думать, пела про себя детские песенки. Никто не выходил.

Становилось холодно. Хотелось влезть с головой под одеяло, закутать озябшие ноги и погрузиться в сон. А утром забыть все это. Тогда Алена решила погреться в соседнем подъезде. Домофон там не ставили, зайти мог любой. Но дверь не открывалась. Девочка схватилась за ручку, уперлась голыми пятками в асфальт – ничего. Какой идиот так захлопнул дверь?!

В следующем подъезде домофон, разумеется, оказался заперт, побежала дальше – та же история, дверь вмурована в косяк. Соседний дом – ни одна дверь не сдвинулась и на мил-

лиметр. Все четыре дома оказались закрыты наглухо без единой щелочки. Ни один человек не зашел и не вышел.

Алена залезла с ногами на скамейку, обхватила колени. Озноб уже пробирался в рукава и за ворот пижамы. Что же делать, что происходит? О ней снимают шоу? Зрителям покажут нелепые метания, и все будут радостно смеяться ее позору? Родители, одноклассники, учителя? Надо вести себя спокойней. Иначе стыда не оберешься.

Она встала под окнами квартиры. Если это устроили родители (а кто еще мог?), они наверняка смотрят в щель между шторами. Третий этаж слишком высоко, чтобы рассмотреть что-то в темноте. Собрав решительность в кулак, Алена тихонько позвала: «Ма-ма!». Слишком тихо. Еще раз: «Ма-ма!». Громче: «Мама! Папа!». Нет ответа. Может быть, они так наказали ее? Решили проучить?

Она вернулась на площадку, уселась на песок под фонарем. Желтый противный свет. Тревожный. Если что-то ужасное неизбежно, пусть уже случится. Снова послышался гудок поезда. Откуда? Только один московский скорый проходит здесь. Сколько сейчас времени? Город как будто вымер. Или только двор, а не город? Можно выйти за пределы двора, там большая дорога, машины ездят круглые сутки. Если остановить одну вытянутой рукой, как папа делал, и попросить отвезти… Куда в таких случаях надо? В больницу или в полицию? Неважно, хотя бы просто рассказать все взрослому человеку. Поговорить с живым человеком! Родители строго-настрого наказывали: никогда к незнакомым в машину, ни под каким видом, ни при каких обстоятельствах, но сейчас уже все равно. Будь что будет. Только пусть поскорее будет.

Дома плотно прилегали друг к другу парами, и оставалось два выхода – на улицу и в соседний двор. Аленка побежала к проспекту. Дома мелькнули, и… она вбежала опять в свой двор только с другой стороны. Трижды пыталась она выйти, и трижды неведомая сила не отпускала и водила кругами. Что оставалось делать ей, забытой, потерянной? Заблудилась в нескольких метрах от собственного дома.

Небо нисколько не посветлело. Снова гудел далекий поезд, которому неоткуда было взяться. Не хлопнуло окно, не пискнул домофон, не заплакал ребенок. Спали все, кроме Алены, или вовсе вымерли. Ой. Ой, мамочки. Так ведь это не они, осенило ее, это я умерла! Так всегда показывают в кино о призраках! Потерявшаяся душа ходит по тому месту, где жила, и люди ее не видят! Вот ужас-то!

Но подождите. Как она могла умереть? Спала дома в своей кровати, здоровая десятилетняя девочка. Двери были заперты, убийца или грабитель влезть не мог. Нет, это просто никак не закончится запутанный сон.

Отчаяние почти накрыло ее, но оставалась последняя идея. На первом этаже жила добрая пожилая тетка. Если рассказать ей все, она не заругает. Алена постучала в окно. Звук получился совсем тихим. Все равно что колотить по картону. На всякий случай поскреблась в другое – там жил алкоголик и часто бузил всю ночь с приятелями. Но сегодня и у него было тихо. Уже ни на что не надеясь, пошла простукивать все окна первых этажей. Конечно, они остались глухими и темными.

И вдруг одна занавеска дернулась. Худая рука с длинными ногтями отодвинула ее в сторону, и девочка увидела бледное сморщенное лицо, черные волосы и злющие глаза. Словом, Безумную Файку! Файка – самая злая старуха всех времен и народов. Люто ненавидела она соседей, но особенно детей. Стоило кому-то приблизится к развешенному на улице белью или драгоценным цветам в палисаднике, разъяренным шариком выкатывалась она на улицу и начинала кричать так, что птицы замолкали и желтела трава. А если кто не сбегал сразу от ее воплей, получал вслед за проклятьями ветки, камни, горсти песка – все, что Файка могла подобрать. Иногда она разбрасывала отравленный хлеб, потому что животные и птицы мешали ей тоже.

Мертвенно-бледное лицо Файки дрогнуло и расползлось в злорадной улыбке. Аленка в ужасе отшатнулась. Когтистая рука задернула штору, но немигающие глаза смотрели сквозь тонкую ткань. Пятясь, Алена отошла шагов на десять (занавеска больше не двигалась) и только потом повернулась и побежала к фонарю. Она укрылась в зарослях, не попадая в круг желтого света.

Так вот кто все это устроил. Взрослые не раз говорили, что Безумная Файка – ведьма. Неужели правда?

Заросли зашевелились, и не успела Аленка сбежать, как из них неторопливо вышел дворовый кот Вован. Ленивое и всеми любимое создание, местный хозяин и смотритель. Алена, как и многие здесь, подкармливала его, потому Вован относился к ней благосклонно. Что-то мурмяфкнул и потерся пушистой щекой о коленку. «Вовчик, котик мой хороший, ты-то меня видишь, правда? – взвыла Алена, обняла живое и мягкое тепло и вот тут-то разревелась от души. Кот вел себя по-джентельменски: терпел, не вырывался.

– Ну ладно, ладно, чего ты, – пробурчал он снисходительно, – да не плачь.

– Что?

Неизвестно, кто был ошарашен больше. Равное удивление отразилось на зареванном лице и усатой морде. С полминуты они молча пялились друг на друга. Потом одновременно начали:

– Ты говоришь?

– Ты понимаешь?

– Но ведь…

– Но как же…

После долгих удивлений и восклицаний выяснилось следующее. Вовка оказался существом весьма разумным и умел говорить вполне сносно. А когда Аленка привыкла к его подмяукивающей речи, поняла, что он вовсе и не кот.

– Разве ты не помнишь меня? Я стоял рядом на линейке в первом классе с таким огромным букетом. И моя мама все волновалась, то забирала его, то снова отдавала.

Если честно, Алена смутно помнила мальчика с букетом. Так много новых впечатлений и лиц окружали ее в тот день.

– А куда ты потом исчез?

– Сюда, – Вовка развел лапами, словно предлагая еще раз осмотреть темный двор. – После линейки меня отпустили гулять. Мы играли в прятки, я залез за куст шиповника и случайно сломал пару веток. Ведьма прокричала какие-то слова, облила меня водой, а ночью я оказался здесь. Котом.

– Подожди-подожди, – Алена пыталась сосредоточиться и посчитать в уме, – получается, что ты… ты здесь…

– Уже четыре года, – подтвердил кот и шмыгнул носом.

Они помолчали. Вовус, наверно, вспоминал ту первую ночь в кошачьем обличье, а Аленка лихорадочно думала, как вернуться домой. Уже целая вечность прошла с тех пор, как она проснулась на улице.

– А почему ведьма меня ни во что не превратила?

– Она каждому придумывает свое наказание.

– Утро почему-то не наступает.

– Тогда и не наступит. Она заперла тебя в одном часе, из которого теперь не выберешься.

– Что же делать, – девочка снова заплакала, и кот сочувственно потопал лапой по плечу. – Я знаю! Я пойду к Файке и попрошу нас расколдовать!

– Не вздумай! – кот замахал лапами, как испуганная тетенька. – Я было сунулся, так еле лапы унес.

Вовка уверял, что нападать ведьма не станет. Однажды заколдовав ребенка, она теряет к нему интерес. Аленка сидела на качелях и бездумно возила ногой по песку. Кот развалился рядом. Снова гудел далекий поезд, прошел еще один заколдованный час. Пустые окна таращились со всех сторон.

– Нет, я все-таки не понимаю, – Алена не могла просто смириться со своей участью. – Зачем она это делает? Какой ей прок с того, что ты стал котом, а я просижу всю жизнь на качелях?

– Пр-р-росто она нас ненавидит, – благодушно разъяснил кот, – мы шумим, игр-раем, стучим мячом ей по нер-рвам. А заколдованные будем вести себя тихо.

Вовка деликатно не смотрел, как девочка размазывает слезы по грязным щекам. Значит, всю жизнь проведет она здесь, на этой площадке за час до рассвета? Не закончит школу, не выйдет замуж, не побывает в космосе? Родители с ума сойдут. Как жили эти годы Вовкины родители? А она еще винила папу во всем. Он придумал бы, как расколдоваться. Папа все умеет. Он был на настоящей войне, прыгал с парашютом, а теперь летает инженером-наладчиком на огромных космических кораблях. Однажды он заблудился в пещере. Его искали 4 дня, и никто уже не надеялся найти, а на пятый день он сам вышел к людям. Папа всегда повторял: «Нельзя сдаваться».

– Нельзя сдаваться! Должен быть выход! Самый крошечный шансик!

– Ну, вообще-то я тут кое-что подумал, – неуверенно промямлил кот. Так и знала, что он что-то знает да молчит!

– Ну, говори! Говори скорей!

– Только нужно оружие. Пойдем!

Он мотнул головой, мол, давай за мной, и скрылся в кустах.

– Зачем? Ты хочешь напугать Файку? Или отбиваться от нее?

Но Вовка уже трусил далеко впереди. Он привел к канализационному люку, поцарапал лапой крышку.

– Приподними.

– Я тебе Геракл что ли? – огрызнулась Алена. Но крышку попыталась сдвинуть. Она на удивление легко поддалась. Кот юркнул вниз и вытащил пластмассовый пистолет.

Аленка чуть не взвыла от разочарования. Вовка – глупый заколдованный ребенок. Да, он просидел здесь четыре года и много чего насмотрелся, и, по сути, они ровесники. Но он ничему не учился и остался все тем же первоклассником! Ему все игры. Машинки-пистолетики. Казаки-разбойники. А у нее нет времени на игрушки, надо выбираться отсюда поскорей!

И тут девочка услышала. Звук нарастал, явно приближаясь. Кто бы мог подумать, что можно так радоваться тарахтению мотора! Во двор въехала машина-«буханка». Белая с красными крестами, она отчетливо, как подсвеченная, была видна в темноте. Зачем-то объехала двор по кругу и с жутким скрежетом затормозила у аленкиного подъезда. «Скорая»! Ух, как Алена бежала! Быстрей, чем на школьных соревнованиях.

Когда она оказалась у машины, с водительского места уже спрыгнула немолодая, но стройная и ярко накрашенная врач.

– Помогите, пожалуйста! – завопила Алена, вцепляясь в рукав белого халата. Даже сквозь ткань она чувствовала, какая холодная у медика рука.

– Поможем, поможем, милая, – заворковала врач. Одной рукой (на другой все еще висела Алена) она с трудом стащила из кабины чемодан с крестом. Бухнула его на асфальт, аж земля содрогнулась, и лязгнуло так, словно чемодан был набит железяками.

– Сейчас поможем, – она направилась к подъезду, волоча за собой девочку и чемодан. Доктор просто взялась за ручку двери, и замок щелкнул, открываясь. Аленка чуть не запрыгала от радости!

– Что ж ты, детка, гуляешь так поздно, папочку заставляешь переживать, а у него сердечко шалит, – бормотала тетка. – Сейчас мы и папочке поможем. С сердцем шутки плохи.

– Фтой! Ни ф мефта! – раздалось сзади.

Алена и врач обернулись. Вовка держал зубами пистолет и целился.

– Фтоять! – повторил он. – Отойди от нее!

Медик распахнула дверь, красный, дребезжащий, как от перегорающей лампочки, свет разлился вокруг.

– Иди-иди! – она силой заталкивала Алену внутрь.

– Фтреляю! – проорал кот и правда нажал на курок.

Яркая пулька со стуком ударилась в теткину щеку. От неожиданности или от удара, но врач разжала руки. С резиновым скрипом растянула в улыбке алые губы, кожа на щеках собралась плотными складками, и стало видно, что пулька оставила на щеке серый след, как будто разбила глазированную поверхность.

– Ай-яй-яй, какие непослушные детки, – пропела доктор, погрозила коту пальцем и снова потянулась к Аленке. Девочка отступала, а руки врача (или кто это был?) протягивались все дальше и дальше, пальцы с алым маникюром шевелились, как водоросли под водой. Кот снова бабахнул из пистолета, на этот раз попав в висок. Отлетел еще кусок глазировки.

Тетка скорчила обиженную мину, распласталась по стене дома, из-под халата вытянулась еще одна пара босых ног.

– Бессовестные! – заявила она, – кто вас только воспитывает! И поползла вверх, перебирая шестью конечностями.

– Сссст – чпок – ссст – чпок, – слышалось оттуда.

Аленка замерла под козырьком подъезда. Кот, не выпуская пистолета из пасти, следил за теткой, поднимая взгляд все выше и выше. Наконец, звуки стихли и, совсем запрокинув голову, он выплюнул пистолет и сказал:

– Все. Ушла. Иди сюда.

Алена послушалась ни жива ни мертва.

Сзади грохнуло, и она громко взвизгнула. Захлопнулась дверь. Девочке казалось, что за шиворот ей натолкали колотого льда, она не могла перестать трястись.

– Ну что? – самодовольно муркнул Вовка, – прав я был, что пошел за оружием?

– Угу – отозвалась Алена.

– Нет, ты скажи! Молодец-молодец я?

– Еще какой.

– Как я ее прогнал, а? Теперь долго не сунется!

– А кто это? – спросила Алена, хотя не была уверена, что хочет знать. Ее все еще трясло.

– А ты не поняла? – хмыкнул кот. – Я ее тут уже видел. Приезжает вроде бы на помощь, все радуются, ведут ее в дом. А она не лечит вовсе, а забирает. Насовсем. И вообще. Я тут много чего видел. Так что плохого не посоветую, со мной не пропадешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.